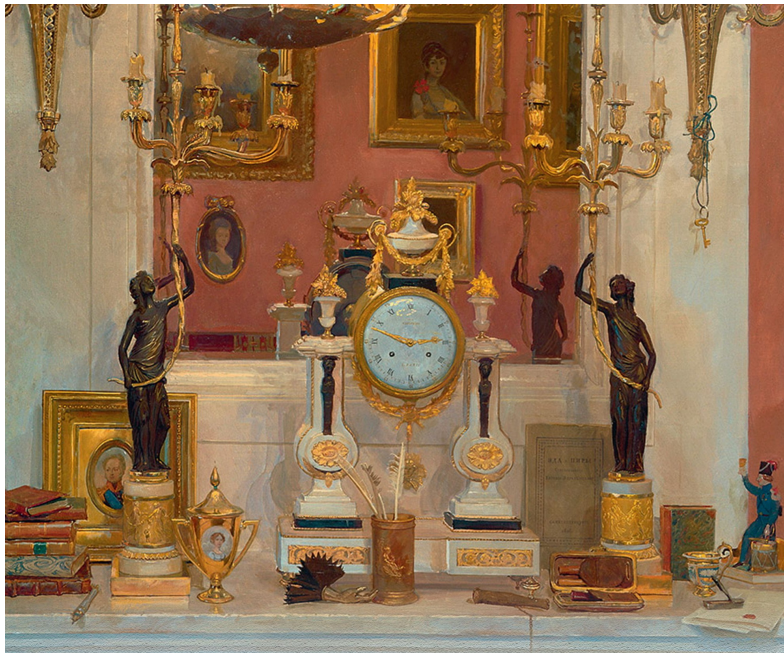

Лариса Черкашина

Тайны пушкинских раритетов

Предметный мир поэта

Лариса Андреевна Черкашина
Тайны пушкинских раритетов.
Предметный мир поэта
Серия «Пушкинская библиотека»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74254801

*Тайны пушкинских раритетов. Предметный мир поэта / Лариса
Черкашина: Вече; Москва; 2026
ISBN 978-5-4484-5918-4*

Аннотация

Каждая вещь, что некогда принадлежала Пушкину, будь то трость, шляпа, чернильница, часы либо перстень, имеет свою необычную, полную приключений историю. Менялись владельцы раритетов, мелькали за годы странствий города и государства, но дорогие реликвии чудесным образом возвращались в родные стены – квартиру поэта на набережной Мойки. Утраченное, казалось, навек, пушкинское пространство, словно в противовес всем земным законам, наделено тайной и непознанной силой – силой самовозрождения. Подобно мифическому Фениксу. Старые стены как магнитом притянули вещи, что некогда составляли обстановку квартиры поэта. Кресла, картины, диваны, конторки и ломберные столики, сменив за столетия многих хозяев, вновь оказались на прежних местах. Время обратило их

в раритеты национальной значимости – и это суд самой высшей инстанции!

Новая книга Л.А. Черкашиной познакомит читателей с необычными, порой невероятными историями вещей, некогда принадлежавших великому поэту.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	7
«Чудеса немых искусств»	15
«И лорда Байрона портрет»	15
Гравюра в стиле меццо-тинто	15
Бароны и баронессы	24
«Певец Пиров и грусти томной»	30
«Баратынский – прелесть и чудо»	30
«Отвыкнув сердцем от похвал»	35
«Сын лени вдохновенный»	43
Лицеист рисует лицеиста	43
«Лира выдаст его»	46
Русский немец	48
«Соловей мой»	55
Кисти Кипренского	60
Злой рок	60
Во дворце на Фонтанке	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лариса Черкашина Тайны пушкинских раритетов.

Предметный мир поэта

*Сергею Михайловичу Некрасову, легендарному
директору Всероссийского Пушкинского музея*

Серия «Пушкинская библиотека»

В оформлении книги использованы портреты, гравюры и фотографии из собраний Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Всероссийского музея А.С. Пушкина, Государственного музея А.С. Пушкина, Государственного Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи, Российского Государственного архива, Государственного Русского музея, Государственного Исторического музея, Музея Лувра (Musée du Louvre), Государственного музея-заповедника «Михайловское», Литературного музея А.С. Пушкина (Вильнюс), частных российских и зарубежных коллекций.

В оформлении обложки книги использована картина народного художника России Дмитрия Белюкина

«Гостиная в усадьбе Е.А. Баратынского Мураново».

Все цитаты в книге приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

© Черкашина Л.А., 2026

© Издательство «Вече», 2026

Пролог

«Светлый дом» Пушкина

Люди стараются постичь подлежащую связь вещей.

Гераклит Эфесский, древнегреческий философ

Felix, qui potuit rerum cognoscere causas.

Счастлив тот, кто познал суть вещей.

Латинское изречение

Раритет – это редкая, эксклюзивная вещь, которая встречается не часто, необычна, её найти и купить крайне сложно. Раритетность не зависит от возраста.

Современное толкование

Вещи – зримый мир Пушкина, доказательства бытия поэта. Они хранят его память подобно воспоминаниям друзей, портретам, рукописям. Помнят тепло пушкинских рук. В любой из них заключена частичка его земной жизни. Время обратило их в раритеты национальной значимости, и это суд самой высшей инстанции.

Давно замечено, вещи имеют одну особенность: переживать былых своих владельцев. И далее каждая реликвия, уже «осиротевшая», наделена особой, подчас весьма прихотливой судьбой. Одни становятся подарками и сберегаются

годами, другие, волею печальных обстоятельств, теряются, пропадают, навечно исчезая из предметного мира.

Вот и Наталия Николаевна (а ведь её упрекали в том, что она раздарила памятные вещи мужа его друзьям, – замечу, по их же настоятельным просьбам!) оказалась во много раз мудрее своих злопыхателей. Вспомним Марину Цветаеву и её слова, не иначе как ёрнические: «Раздарила все смертные реликвии Пушкина – “я думаю, вам приятно будет иметь ар-халук, который был на нём в день его несчастной дуэли”, На-щокину – <..> серебряные часы, Далю – талисманый пер-стень с изумрудом и чёрный сюртук с небольшой, “в ноготок, дырочкой против правого паха”...»

Вторит ей и Анна Ахматова: «Никакого культа Пушкина в доме вдовы не было».

Справедливы ли обвинения именитых поэтесс? Ведь до-рогие реликвии отданы самым близким и преданным дру-зьям супруга. Наталии Николаевне суждено было стать пер-вой хранительницей памяти поэта. Для неё бесценно всё, что связано с именем мужа, не забыта и его давняя просьба: «... чтоб не пропала ни строка пера моего для тебя и для потом-ства». Да, она её с честью исполнила, сохранив всё, все руко-писи поэта, все его послания. Так, уже в июне 1837-го, когда боль от потери ещё так свежа, Наталия Пушкина отправляет из Полотняного Завода, калужской своей усадьбы, где она уединилась с детьми после несчастья, в Болдино крестьяни-на с поручением привезти все рукописи и вещи её покойно-

го супруга. По счастью, уцелело её письмо (ныне ценнейший документ!) управляющему болдинского имения: «Милостивый Государь Осип Матвеевич! В находящемся под управлением Вашим селе Болдино какие только есть принадлежащие лично покойному мужу моему Александру Сергеевичу Пушкину книги, бумаги, письма и вещи, все без остатку, сделайте одолжение выдайте для доставления ко мне подателю сего крестьянину Власу Абрамову Комарову без задержания».

А когда-то, в ещё счастливо-безоблачные времена, Натали получала из нижегородского сельца такие тёплые признания: «Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, когда ты жмёшься ко мне, когда тебе страшно». Да и ранее она заботилась о судьбе нижегородского сельца, на что Пушкин отвечал ей: «Ты говоришь о Болдине! Об этом успеем ещё поговорить...»

Нет, не успели... На руках молодой вдовы четверо деток, мал мала меньше, и поднять, вырастить их достойными великого отца – главнейшая из тогдашних её забот. Но оставались и другие – о бывших на грани разорения имениях, а лучше о сбережении рукописей, книг, писем. И любимых вещей мужа. Словно поместила их в надёжные хранилища, да не в одно, даруя саму возможность будущего спасения реликвий.

Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!..

Все памятные вещи, розданные друзьям, – будь то часы, перстни, трости, – свершив путешествия во времени и сменив преходящих владельцев, вновь вернулись в дом на Мойку, последнюю квартиру Пушкина. Так что «движимое имущество» поэта, как окрестили в деловых бумагах нынешние раритеты, воистину оказалось движимым!

После разыгравшейся трагедии неутешная в своём горе Наталия Николаевна недолго оставалась в Петербурге, вскоре вместе с детьми и сестрой Александрой она покинула дом на Мойке. Путь её лежал в Калужскую губернию, в родовую усадьбу Полотняный Завод. Отъезд наметили на шестнадцатое февраля, но пятью днями ранее учреждена была Опекa над малолетними детьми и имуществом погибшего поэта. Вошли в неё поэт Василий Жуковский, композитор Михаил Виельгорский, издатель и литератор Наркиз Тарасенко-Отрешков; возглавил же Опеку граф Григорий Александрович Строганов, родственник вдовы поэта. Именно им надлежало озаботиться о сбережении имущества Пушкина: мебели, предметов гардероба, личных вещей, домашней библиотеки, рукописей. Всё то предстояло подробнейшим образом описать, для чего назначены свидетели: князь Пётр Вяземский, ближайший друг погибшего, и коллежский асессор Павлин Отрешков, брат одного из опекунов.

Особая забота Опекы – будущность малых сирот поэта и его несчастной вдовы. Исполняя нерадостную свою обя-

занность, Пётр Вяземский помнил о духовном завете друга: «Более всего, не забывайте, что Пушкин нам всем, друзьям своим, как истинным душеприказчикам, завещал священную обязанность: оградить имя жены его от клеветы. Он жил и умер в чувстве любви к ней и в убеждении, что она невинна».

Письмо князя адресовано Александру Булгакову, московскому почт-директору, 9 февраля 1837-го, когда вдова поэта, почти обезумевшая от горя, оставалась ещё в своей петербургской квартире.

К чести Наталии Николаевны, нужно сказать, она исполнила давний завет мужа, став первой хранительницей его рукописей.

И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят.

Взглянем правде в глаза – без того не было бы и самого Пушкинского Дома. Точнее, бесценной его части, давшей имя национальной сокровищнице культуры. Всё было бы растеряно, утрачено, продано... Не осталось бы многого, что ныне обратилось дорогими экспонатами мемориальной квартиры на Мойке.

Дом на набережной Мойки, 12. Последняя квартира Пушкина. 1950-е гг.

Да и главное, не было бы самих наследников поэта, словно подхвативших эстафету первой хранительницы Наталии Пушкиной – матери и бабушки. А ведь в них, по слову Бунина, «текла кровь человека для нас уже мифического, полубожественного!». Правда, та восторженная запись обращена к Елене Пушкиной, в замужестве фон Розенмайер. С ней, внучкой поэта и русской эмигранткой, не раз встречался в Ницце великий писатель-изгнанник. Отдадим должное Елене Александровне, ведь покидая Россию в роковом семнадцатом, наспех, второпях, не забыла же она взять в долгие

и неведомые странствия фамильные реликвии! Такова была незыблемая семейная традиция – беречь всё, что связано с жизнью Пушкина, заложенная ещё его вдовой.

А младшей дочери поэта Наталии пришлось не раз переступать порог дома, отмеченного скорбной памятью: «Квартира, где умер отец, была матерью покинута, но в ней впоследствии жили мои знакомые... и я в ней часто бывала».

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь:
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, Бог весть. Пропал и след.

Квартире в доме на набережной Мойки, «от одних ворот до других», суждено было остаться за Пушкиным не на годы, как мыслилось поэту, на вечные времена.

Менялись владельцы пушкинского жилища, менялся его облик. А в 1910-х годах инженер Гвоздецкий и вовсе превратил аристократический особняк в заурядный доходный дом, изменив облик и планировку квартиры поэта.

Историческая реконструкция началась лишь осенью

1924-го (владельцем мемориальной квартиры стало общество «Старый Петербург»), и к февралю следующего года, к годовщине гибели Пушкина, восстановлен был кабинет поэта. Много-много позже благодаря плану пушкинской квартиры, начертанному Жуковским, да воспоминаниям современников столовая и буфетная, комнаты сестёр Гончаровых и детская, спальня, помещения для прислуги и парадная лестница, – все они обрели свой первозданный вид.

Старые стены как магнитом притянули вещи, что ранее составляли обстановку квартиры поэта. Кресла, зеркала, диваны, туалетные и ломберные столики, сменив за столетия многих хозяев, вновь вернулись на прежние места. И даже отрезок старых штор, ярко-розовой шёлковой занавеси с тканым золотой нитью узором, свершив долгий путь: Петербург – Михайловское – Маркучай – Париж, оказался там же, откуда и был некогда увезён.

Будто в противовес всем законам бытия, утраченное пушкинское пространство наделено тайной и непознанной силой, силой самовозрождения!

«Чудеса немых искусств»

«И лорда Байрона портрет»

*Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне
славы, видели в мучениях великой души...*

Пушкин – князю Вяземскому

Гравюра в стиле меццо-тинто

Гравюра эта с ликом лорда-романтика, что некогда Александр Сергеевич подарил барышне Анне Вульф, имеет особую, поэтическую, историю.

Не случайно любовью к Байрону наградил Пушкин и своего мятежного героя. Вот Татьяна Ларина тайно проникает в деревенский кабинет Онегина, давно им покинутого. И что же предстаёт взору влюблённой барышни?

И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

Но прежде чугунной фигурки Наполеона бросается в глаза Татьяне портрет лорда Байрона, кумира того, кто в её в девичьих грёзах обратился божеством.

Вот и современники Пушкина находили, что «онегинский» кабинет списан чуть ли не с его собственного в Михайловском. Так что Джордж Ноэль Байрон порою взирал со стены на своего русского собрата и, позабыв английскую холодность, вступал с ним в безмолвную, но горячую беседу.

Верно, и ему, тогдашнему кумиру, лестно было бы знать, что в далёкой, никогда не виданной им России обрёл он столь страстного поклонника, – да и сам Пушкин не скрывал, что одно время буквально «сходил с ума от Байрона». Модная «болезнь» светской молодёжи в ту пору – «байронизм» – не обошла стороной и поэта.

Воссозданный кабинет поэта в Михайловском. Слева на стене – портрет Байрона

Любовь та у Пушкина с годами не остыла, эпиграфом к восьмой главе «Онегина» избраны байроновские строчки:

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well¹.

¹ Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай (англ.).

Пред памятью Байрона, творца «Чайльд Гарольда», «Дон Жуана», «Гяура» и «Корсара», к тому же и национального героя Греции, сражавшегося за её свободу, Пушкин благоговел.

Пожалуй, самые всеобъемлющие строки о жизни и судьбе своего кумира, те, что высказал он однажды князю Вяземскому, словно ведя с приятелем давний спор: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чёрт с ними! слава Богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлечённый восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо – а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с Гением. <..> Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. – Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он *мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врёте, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе».

А прежде не удержался от восклицания: «Что за чудо “Дон Жуан”! я знаю только пять первых песен; прочитав первые две, я сказал тотчас Раевскому, что это *chef-d'œuvre* (шедевр. – *фр.*) Байрона...»

«Будь заодно с Гением» – так сказать мог только Гений о Гении!

Но что особо вызывало уважение русского поэта – лорд Джордж Ноэль Гордон Байрон чтит имена далёких своих предков: «Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта...» Да ведь и сам Пушкин следовал тому же правилу: «...Предпочитать свою собственную славу славе целого своего рода была бы слабость неизвинительная».

В Греции Байрон заболел лихорадкой и перед смертью произнёс полные героизма и не канувшие в Лету слова: «Сестра моя! дитя моё!.. бедная Греция!.. я отдал ей время, состояние, здоровье!.. теперь отдаю ей и жизнь!» Апрельский день 1824-го стал последним для лорда-поэта, не достигшего и сорокалетия. Романтическая его жизнь завершилась и романтической кончиной.

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает...

И как апофеоз приключенческой жизни Байрона – божественные слова панихиды, что заказал его русский собрат, и прозвучавшие под сводами храма на городище Воронич.

Случится то в годовщину гибели славного шотландца, 7 апреля 1825 года, о чём сам Александр Сергеевич и сооб-

шил Петру Вяземскому: «Нынче день смерти Байрона – я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба божия боярина Георгия. Отсылаю её к тебе».

Джордж Гордон Байрон. Портрет шотландца-романтика, подаренный Пушкиным Анне Вульф

Поведал о том и брату Лёвушке: «...Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). Анна Николаевна также, и в обеих церквах Тригорского и Воронича происходили молебствия...»

Тригорская барышня Анна Вульф. Именно она, страстно, но увы, безответно, влюблённая в поэта, удостоилась его чудесного подарка, портрета великого британца, — «на память о совместном чтении Байрона на английском языке».

Нет, вовсе не случайно Викентий Вересаев, через столетие, заметил: «У Пушкина был с нею (Анной Вульф) самый вялый и прозаический роман, и в одном из писем к ней он сам называл себя её “прозаическим обожателем”».

Чего стоят хотя бы данные ей «нравоучения» поэта: «Слушайте хорошенько: 1) Ради Бога, будьте легкомысленны... 2) Носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки, и не взбивайте волосы на височках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо. 3) С некоторых пор вы стали очень осведомлённой, однако не выказывайте этого, и если какой-нибудь улан скажет вам, <что с вами нездорово вальсировать> не смейтесь, не жеманьтесь, не обнаруживайте, что польщены этим; высморкайтесь, отвернитесь и заговорите о чём-нибудь другом. 4) Не забудьте о последнем издании Байрона».

Лишь последний «совет» не вызвал, верно, горького вздоха, а может и слёз бедной Аннет, прочитавшей эти строки в июле 1825-го...

Перед кончиной сжегшая письма поэта, обращённые к ней, подарок-портрет Анна Николаевна сберегла. В подлинности его нет сомнений. Ведь Прасковья Александровна Осипова-Вульф, в отличие от дочери, пощадившая пушкинские послания от огня, они хранились в её бюваре с надписью: «Вот что осталось от щастливаго (sik!) времени моей жизни», – на обороте старинной гравюры надписала на французском: «*Présenté par Alexandre Pouchkine á M-lle Annette Woulff. l'an 1828*». (Подарен Александром Пушкиным мадемуазель Аннет Вульф. 1828 год). Читается и факсимильная надпись на исторической окантовке: «*Noel Byron*».

Автор гравюры, исполненной, по словам знатоков, в стиле меццо-тинто, либо «чёрной манере», замечательной благородными бархатистыми тонами, глубиной и богатством оттенков, – английский художник Чарльз Тернер. Но сам оригинал, «Портрет Джорджа Гордона, 6-го лорда Байрона», принадлежит кисти живописца Вильяма Эдварда Веста и явлен был им в итальянской Пизе за два года до кончины поэта-романтика. Великий шотландец успел восхититься творением мастера, назвав его «лучшим своим портретом».

Чудесная гравюра, помнившая тепло пушкинских рук, счастливо уцелела – её в фатальном для России семнадцатом успела передать в Пушкинский Дом баронесса Светлана (Анна) Николаевна Вревская, урождённая Лопухина. Год тот выдался несчастным и для неё, владелицы усадьбы Голубово Островского уезда Псковской губернии, – в сентябре

1917-го покинул земной мир муж барон Павел Вревский.

Бароны и баронессы

Павел Александрович приходился внуком баронессе Евпраксии Вревской, и надо полагать, был её любимцем. Из всех детей плодотворной Евпраксии Николаевны сын Александр Вревский (наречённый не в честь ли обожаемого ею Пушкина?!) достиг больших успехов на жизненном поприще, став генерал-губернатором обширного Туркестанского края. Прославленный генерал и явился отцом маленького барона Павла. Именно ему, любимому внуку, завещала Евпраксия Николаевна фамильные раритеты, связанные с памятью первого поэта России. Позднее, уже после кончины бабушки-баронессы, Павел Александрович передал их в Санкт-Петербург, в Пушкинский Дом.

ЕВПРАКСІЯ НИКОЛАЕВНА
ВУЛЬФЪ

Евпраксия Николаевна Вульф (в замужестве баронесса)

Вревская). Гравюра 1829 г.

Любопытна история одной книги из семейного собрания Вревских. Это томик «Онегина» с красным кожаным корешком, без обложки, изданный в 1833 году. Дарственная пушкинская надпись, сделанная карандашом, почти стёрта: «Баронессе Евпраксии Николаевне Вревской. 22 сент 1835 Михайловское». На листе перед шмуцтитолом баронесса написала по-французски: «Подарено моему дорогому Павлу на память о его посещении Голубова 3 января 1877 г. его бабушкой Е. Вревской». Вверху надписи Павел Александрович сделал важную пометку: «Прошу не стирать карандаш, ибо это почерк поэта А.С. Пушкина».

Внуков у Евпраксии Николаевны, как и детей, было великое множество. Но, пожалуй, лишь барон Павел Вревский оказался достойным доверия бабушки, «милой Зизи», воспетой русским гением.

В большом семействе сберегалась память о семейном особняке, утопавшем в садах, и жизни в нём: «Вправо от столовой – столь же большая гостиная. Вся мебель из красного дерева. Туркестанский ковёр во весь пол глушит шаги. В комнате как-то строже. По стенам портреты. <..> По углам стоят мраморные бюсты А.С. Пушкина и А.А. Дельвига. <..> Ближе к дому – цветники – предмет особого внимания и любви хозяев. Весь сад насаждал Борис Александрович (барон Вревский, муж Евпраксии Николаевны. – Л.Ч.), люби-

тель садоводства, не без участия А.С. Пушкина, который, по преданию, посадил несколько деревьев».

Мемуаристка не забывает упомянуть, что в одном из ящичков шифоньерки сберегался «серебряный ковшичек, которым Евпраксия Николаевна разливала жжёнку в Тригорском, угощая Пушкина, А. Вульфа и Н. Языкова в незабвенное лето 1826 г.».

Со жжёнкой, приготовленной изящными ручками юной тригорской барышни, ничто не могло сравниться! Восхищения друзей брата Алексея – Николая Языкова и Пушкина, их поэтические восторги и похвалы, доставляли милой Зизи немало радости. «Сестра моя Euphrosine, бывало, заваривает всем нам после обеда жжёнку: сестра прекрасно её варила, – много позже вспоминал Алексей Вульф, – да и Пушкин, её всегдашний и пламенный обожатель, любил, чтобы она заваривала жжёнку... и вот мы из этих самых звонких бокалов, о которых вы найдете немало упоминаний в посланиях ко мне Языкова, – сидим, беседуем да распиваем пунш. И что за речи несмолкаемые, что за звонкий смех, что за дивные стихи то того, то другого поэта сопровождали нашу дружескую пирушку!»

Жжёнке, что собственноручно варила Евпраксия Вульф, посвящен поэтический диалог друзей – Языкова и Пушкина. Ах, как сладостно вспоминал Языков о дружеских пирушках, «когда могущественный ром с плодами сладостной Мессины», вступив в союз «с вином, переработанным огнём»,

«лился в стаканы-исполины!».

Обычно застенчивый Языков преображался и восторженно воспевал то ли волшебный напиток, то ли его создательницу.

Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жжёнки ромовой!
Её вы сами сочиняли:
Сладка она была, хмельна;
Её вы сами разливали, —
И горячо пилась она!..

И то юное и весёлое счастье Евпраксия Николаевна помнила до конца своих дней, сберегая «свидетеля» и «участника» тех дружеских застолий – серебряный ковшик с длинной ручкой, коим она разливала по бокалам сладкую хмельную жжёнку. Ту, что так пришлась по вкусу Александру Сергеевичу!

...Баронесса Светлана Вревская оставалась хранительницей Голубово до февраля 1918-го, – в тот тревожный год ради собственного спасения пришлось ей перебраться из барской усадьбы во Псков. Однако же вдова действительного статского советника, Варшавского вице-губернатора и церемониймейстера Императорского двора ненадолго пережила супруга, почила, вероятно, на исходе того же восемнадцатого. Но успела свершить, быть может, одно из значимых деяний жизни: спасти фамильную реликвию для будущих по-

колений.

И ныне гравированный портрет Байрона – раритет пушкинской квартиры на Мойке, а копия его украшает кабинет поэта в Михайловском.

«Певец Пиров и грусти томной»

*Без него (Дельвига) мы точно осиротели.
Считай по пальцам: сколько нас? ты, я,
Баратынский, вот и всё.
Пушкин – Плетневу*

«Баратынский – прелесть и чудо»

Портрет Евгения Баратынского, или же, как подчас писалось его имя современниками, да и Пушкиным, Баратынско-го, не случайно оказался в кабинете поэта в его квартире «на Мойке близ Конюшенного мосту в доме княгини Волконской». Ведь Баратынский удостоился, пожалуй, самых лестных отзывов Пушкина.

Вот лишь некоторые из них, сбережённые в письмах к друзьям:

«Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдёт и Парни и Батюшкова – если впредь зашагает, как шагал до сих пор – ведь 23 года счастливцу! Оставим всё ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет»;

«Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более чем подражатель подражателей, он полон истинной элегической поэзии»;

«Пришли же мне “Эду” Баратынскую. Ах! он чухонец! да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду»;

«Баратынский – прелесть и чудо, “Признание” – совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий, хотя бы наборщик клялся мне Евангелием поступать со мною милостливее»;

«Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одарённого вкусом и чувством»;

«Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом; это образец грации, изящества и чувства».

Евгений Баратынский в молодости. Портрет, подаренный им Пушкину

И поэтическое обращение к приятелю:

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне, Феба ради,
И награди тебя Амур.

Но а сам Евгений Баратынский, хоть и называл в письме к собрату свои творения «рифмованными безделками», яв-

но польщён. После столь громких похвал, дошедших до его слуха, немудрено, что подарил он Пушкину свой портрет – литографию работы Александра Тернберга. Даритель предстал на той, созданной в 1828 году, литографии в светском одеянии: в небрежно наброшенном на плечи плаще с подкладкой в клетку, под сюртуком – белый жилет, шея повязана модным белым галстуком.

Портрет сей после смерти Пушкина достался Ольге Сергеевне Павлищевой и передан ею лицейскому товарищу брата Сергею Комовскому. Нельзя сказать, чтобы тот, прозванный в лицее «Лисой», «Смолой» и «Фискалом», пользовался особой любовью однокашников. Прозвище «Лиса» дано было по фамильному шляхетскому гербу, что венчала рыжая лисица, но отчасти из-за хитрости, свойственной самому Комовскому. «Смолой» же лицеисты прозвали его за бесконечные надоедливые нравоучения. Ну, а третье прозвище объяснил он сам: «Прибегал я иногда к помощи начальства, и за сие называли меня ябедником, фискалом и проч.».

И по выпуску из лицея Пушкин поддерживал с товарищем (в те годы – правителем канцелярии совета Воспитательного общества благородных девиц, или же Смольного института, – вот уж точно «Смола»!) приятельские отношения. В январе 1835-го подарил ему «Историю Пугачёвского бунта» с дарственной надписью: «Сергею Дмитриевичу Комовскому от А. Пушкина в память Лицея».

Комовский, а считался он также «добрым и услужливым

товарищем», не пропускал памятных годовщин, всем запомнилось, как на празднование юбилея лица в 1836-м, явился он в специально сшитом по сему торжеству лицейском мундире. То был и его, прежней «Лисы», маленький триумф!

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Сама жизнь ответила на этот, как казалось тогда, странный вопрос. Предпоследним из кружка друзей-однокашников (последним же судьба «назначит» светлейшего князя Александра Горчакова) Сергей Комовский покинул сей мир. Спустя месяц, в июле 1880 года, после того, как в Москве на Страстной вознёсся памятник Пушкину.

Однако на открытии памятника не был, о чём искренне сожалел, говоря: «Впрочем и старческое моё ныне там присутствие ни к чему полезному не могло бы послужить, а только наделало бы ещё кое-какие лишние хлопоты...»

Несчастный друг! средь новых поколений
Доучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

Как же всё верно угадано провидцем-поэтом!
«Другое дело, если бы ещё, при помощи волшебной музыки Пушкина, – мечталось поседевшему “лицеисту”, – я мог

(хотя на один день) из 81-летнего старика преобразиться в 18-тилетнего юношу... – о! тогда я поспешил бы под живыми впечатлениями рассказать всю лицейскую жизнь нашего друга». Что, к слову, Сергей Дмитриевич почти исполнил.

В супружестве с графиней Софьей Комаровской на свет явились четверо сыновей и две дочери. Одной из них, Ольге Сергеевне, тёзке сестры поэта, рождённой в 1856-м, позже и отошёл литографированный портрет Баратынского. А в 1917-м – уже её супруг, Аркадий Аркадьевич Журавлёв, преподнёс раритет в дар Пушкинскому Дому. О судьбе же самой Ольги, носившей в девичестве родовитую польскую фамилию, ничего более не известно.

«Отвыкнув сердцем от похвал»

Немного о том, кто удостоился пушкинских похвал. Евгений Баратынский, почти ровесник Пушкина, родился в феврале 1800 года. И ровно через девятнадцать лет вступил на военную стезю, став рядовым лейб-гвардии Егерского полка. Вероятно, вынужденно, так как ранее с ним, воспитанником Пажеского корпуса, приключилась весьма неблагоприятная и тёмная история.

Правда, как дворянин Баратынский, в отличие от нижних чинов, располагал некоторой свободой, жил не в казарме, а вне воинской службы имел право носить фрак.

Пять лет служил в Финляндии унтер-офицером Нейш-

лотского пехотного полка. Жизнь вне светских развлечений, в северном суровом краю, придала его романтизму особое элегическое настроение.

Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

Вскоре, однако, его размеренную жизнь яркой вспышкой осветила бурная страсть. И к кому же?! К экзальтированной красавице Аграфене Закревской, что позже «беззаконной кометой» ворвётся и в судьбу Пушкина.

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями...

Сколько часов мучений, безрассудств и упоительных мгновений предстояло испытать Баратынскому: «Мы пьём в любви отраву сладкую...» Одно из давних откровений: «Спешу к ней. Ты будешь подозревать, что я несколько увлечён: несколько, правда; но я надеюсь, что первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно». Поэм и элегий Баратынского в честь возлюбленной явилось великое множество.

Как Баратынский, я твержу:

«Нельзя ль найти подруги нежной?

Нельзя ль найти любви надежной?»

И ничего не нахожу.

Дослужившись до прапорщика и примерив офицерские эполеты, вышел в отставку, перебрался в Москву и счастливо женился. Его избранница Анастасия Энгельгардт, дочь генерал-майора, родила в супружестве девять сыновей и дочерей.

К тому времени Евгений Баратынский – признанный поэт: особую известность ему снискали поэмы «Эда» и «Пир», собрание лирических стихов.

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

Он идёт в ногу с Пушкиным, почти вровень. Дама-москвичка, заметив двух знаменитостей, входящих в залу Благородного собрания, не скрывает восторга: «Мы увидали Пушкина с хор Благородного собрания. Внизу было многочисленное общество, среди которого вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодых человека. Один был блондин, высокого роста; другой брюнет – роста среднего, с чёрными кудрявыми волосами и выразительным лицом. Смотрите, сказали нам: блондин – Баратынский, брюнет – Пушкин. Они шли рядом, им уступали дорогу». То был год 1827-й.

Встречи продолжились. «Кто тебе говорит, – вопрошает Пушкин жену, словно оправдываясь, – что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякий день видимся».

Затем меж приятелей наступило охлаждение. Что тому причиной? Полагают, что Баратынским завладело не совсем доброе чувство, зависть к громкому успеху творца «Онегина». Он тех чувств почитателей Пушкина не разделял...

Последней встрече с приятелем в Москве, в мае 1836-го, Пушкин посвятил лишь две ёмкие строчки: «Баратынский однако ж очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу». (Из письма к Наталии Николаевне.)

Но смерть Пушкина, несмотря на прежнюю отчуждённость или холодность, Евгений Баратынский воспринял как личное горе, оплакивал глубоко, искренне. «Пишу к вам под громовым впечатлением, произведённым во мне и не во мне одним ужасною вестью о гибели Пушкина. Как русский, как товарищ, как семьянин скорблю и негодую. Мы лишились таланта первостепенного, может быть, ещё не достигшего своего полного развития... Я потрясён глубоко и со слезами, ропотом, недоумением беспрестанно себя спрашиваю: зачем это так, а не иначе? <..> Провидение отвело око своё от поэта, давно составлявшего её (России) славу...» — из письма к князю Вяземскому.

Однако ж и ему самому провидение отпустит считанные годы: в июне 1844-го Баратынский, отправившись в европейское путешествие с супругой Анастасией Львовной, скончался в Неаполе, средь роскоши итальянской природы, успев восхититься огнедышащим Везувием. Однако его Везувий, кипящий лавою необузданных страстей и чаяний, внезапно

угас...

Вид Неаполитанского залива и Везувия, который мог созерцать Баратынский на исходе жизни. Старинная литография

Вечным напоминанием о безоблачном для него времени осталась старинная литография, что, как и прежде, висит на стене пушкинского кабинета. И взирает с неё Евгений Баратынский, счастливцев во цвете лет, ещё не съедаемый, подобно пушкинскому Сальери, чёрной завистью.

Что-то грезит Баратынский...

Верно, о надежде, что обретёт читателей в неведомых ему

грядущих поколениях. Ведь об этом ему некогда и мечталось.

«Сын лени вдохновенный»

О, Дельвиг! Счастливы поэты!

Александр Пушкин

Лицеист рисует лицеиста

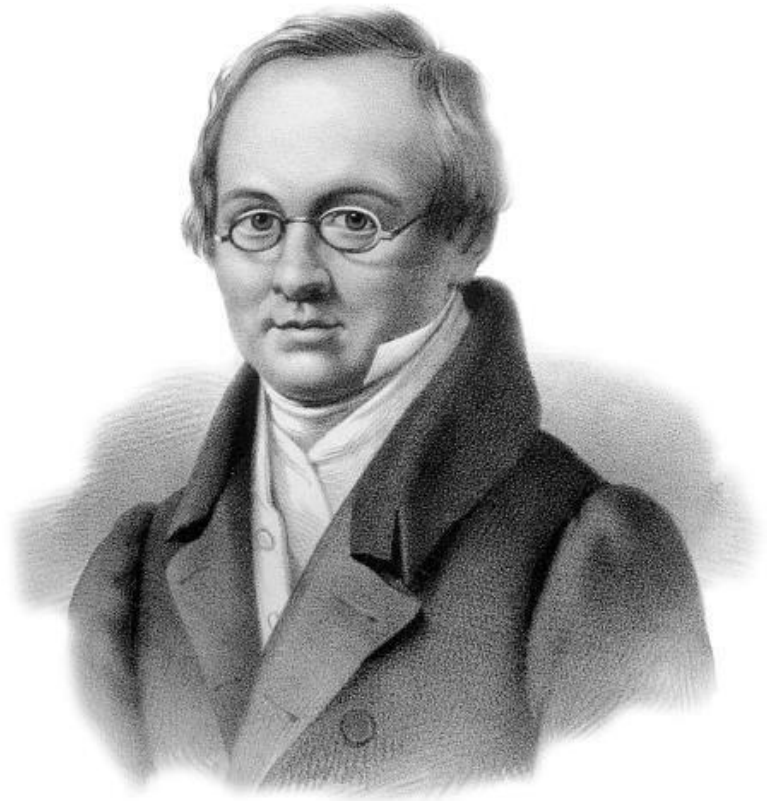
Портрет барона Дельвига, оказавшись в «компании» с Баратынским и Жуковским, украсил пушкинский кабинет. Вот уж кто из друзей мил был сердцу Пушкина! И взирал он на портрет Дельвига не раз и, быть может, в слезах. Но сей лик друга, рано покинувшего мир, живителен для Пушкина, диалог с ним продолжился. Нескончаема та беседа...

Почти, как и ранее, когда Пушкин дружески корил гениального ленивца: «Ты всё тот же – талант прекрасный и ленивый. Долго ли тебе шалить, долго ли тебе разменивать свой гений на серебряные четвертаки... Поэзия мрачная, богатая, сильная, байроническая – твой истинный удел...»

Но ты, сын Феба беззаботный...

Правда, красавица Анна Керн, хоть и любила искренне своего приятеля, имела собственное мнение: «...Дельвиг не

был гениальным поэтом, но название поэтического существа вполне может соответствовать ему, как благороднейшему из людей».

Барон Антон Дельвиг. Художник В. Лангер. 1830 г.

А сам портрет, точнее литография по рисунку Валериана Лангера, приложенная к альманаху «Царское Село», явлена была в 1830 году.

Ещё в пору, когда художник только приступил к работе, Антон Дельвиг не преминул пошутить над собственным изображением: «Лангер рожу рисует мою и, кажется, трафит». Вот она, переключка поэтов, – как тут не вспомнить, что и Пушкин пенял Кипренскому, правда, поэтически, что славный «портрет-зеркало» ему льстит!

Итак, создателя портрета Дельвига Валериана Лангера природа щедро одарила талантами: акварелиста, литографа, теоретика искусств, а также литератора и переводчика. Юный Валериан поступил в Царскосельский лицей в память для России 1812-м, вслед за Пушкиным и Дельвигом.

Его карандашу и резцу принадлежит честь создания альбомов с видами Царского Села. Директор лицея Егор Антонович Энгельгардт, восхищённый способным выпускником, преподнёс августейшей чете альбомы с чудесными литографиями Лангера. И не ошибся. Государь Николай I милостиво даровал художнику бриллиантовый перстень, императрица Александра Фёдоровна жаловала молодому дарованию золотые часы. К слову, к числу запечатлённых Лангером царскосельских видов были и любимые лицеистами уголки, и один из них: «Лицейский садик в Царском Селе, вид “Грибка”».

Но и широкой публике знакомы были творения Лангера:

обложки и фронтисписы многих русских журналов, в их числе альманахов «Северные Цветы» и «Подснежник», мастерски им исполненные.

Создав же карандашный портрет Антона Дельвига, литографировал его для альманаха «Царское Село». Вот этот-то «царскосельский» портрет и подарил Дельвиг давнему товарищу. Портрету вместе с его тогдашним владельцем приходилось менять адреса, пока наконец-то не «укоренился» он в последней петербургской квартире Пушкина. Правда, в то время самого Дельвига пять лет как не было уж на свете... Тем горше и светлее была его память для «осиротевшего» друга.

...Ну а портрет Дельвига, как и литография Баратынского, отошли впоследствии к Ольге Сергеевне и подарены ею Сергею Комовскому.

«Лира выдаст его»

Узы лицейской дружбы крепки, и первый узелок на ней поэтический – стихи юного Дельвига:

Рассеивает от взоров, – и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлбья взирающий!
Пушкин! Он и в лесах не укроется,
Лира выдаст его громким пением...

Удивительная прозорливость! Будто пред шестнадцатилетним лицеистом раскрылось будущее величие его друга, столь же юного, как он сам. Да и заканчивалось посвящение воистину пророчески:

И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

Кудрявый лицеист ответил на поэтические дифирамбы не без иронии, ведь лесть, даже и дружеская, губительна для неокрепшего таланта. И Пушкин не был бы Пушкиным!

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник:
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою...

А завершает, как истинный эпикуреец:

Позволь мне полениться
И негой насладиться, —
Я, право, неги сын!

Один из друзей — «сын лени», второй — «сын неги», словом — братья!

Русский немец

Как и Пушкин, Антон Дельвиг – прирождённый москвич: родился в Первопрестольной в августе 1798-го.

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.

И хоть происходил Дельвиг из семьи прибалтийских немецких баронов, «родом германец», немецкого не знал. (Вспомним, что и Пушкину не давался сей язык, в отличие от французского.)

В лицее числился далеко не первым учеником, а причиной тому не отсутствие природных дарований, но лень, возведённая почти в священный культ.

Избаловало нас начало.
И в гордой лени своей
Заботились мы оба мало
Судьбой гуляющих детей.

Зато своенравная муза «посетила» Дельвига рано, и уже в 1814-м в «Вестнике Европы» напечатаны его стихи «На взятие Парижа», скрывавшиеся за патриотической подписью «Русский».

Перешагнув лицейский порог, служил в Департаменте

горных и соляных дел, в Канцелярии Министерства финансов, помощником библиотекаря (а им был в то время Иван Андреевич Крылов!) в Императорской Публичной библиотеке.

Не разлучался с музыкой, но отдал дань и деятельности издательской: совместно с Орестом Сомовым, писателем и критиком, «взрастил на снегах» семь номеров «Северных цветов» и альманахов «Подснежник». А на исходе жизни, в 1830-м, затеял издание «Литературной газеты», к коему привлёк и Пушкина.

Антон Дельвиг-лицеист. Акварельный портрет

Портрет Дельвига, каким летом 1827-го запечатлел его в Ревеле художник Шлезигер, близок со словесным, что остался в памяти современника: «Болезненная полнота его казалась дородством: он был росту выше, чем среднего; лицо имел открытое, лоб высокий прекрасный, всегда спокойный; голубые глаза его, вечно вооружённые очками, выказывали невыразимую доброту, ум и мысль».

Таким знал своего милого Дельвига и Пушкин. Лицейская их дружба оказалась на редкость прочной, чему свидетельствовал и Сергей Комовский: «По выходе из Лицея Пушкин, сохраняя постоянную дружбу к товарищу своему барону Дельвигу, коего хладнокровный и рассудительный характер нравился ему более других (несмотря на явное противоречие с его собственным), посещал преимущественно литературные общества Карамзина, Жуковского, кн. Вяземского, Воейкова, графа Блудова, Тургенева...»

Друзья встречались часто, но никто из них не подозревал, что встреча их воскресным августовским днём 1830 года станет последней. Пушкин уезжал в Москву, и Дельвиг, будто предчувствуя вечную разлуку, вызвался проводить друга: вдвоём они отправились пешком до Царского Села и, верно, всласть наговорились. По дороге их нагнал в экипаже князь Вяземский. Возможно, друзья втроём отобедали у Василия Жуковского, жившего тогда в Царском Селе. Первая встреча и последняя – в Царском Селе, любимом «отечестве», как

некий знак судьбы...

Александр Пушкин-лицеист. Гравюра Е. Гейтмана.

1822 г.

По сути, Пушкин ехал навстречу своей «чудотворной» или «детородной» Болдинской осени. Туда же, «для доставления в сельцо Болдино», адресовано и ноябрьское письмо Дельвига: «С получением сего письма, радость-душа моя, садись за бумагу и напиши мне все пьесы, для “Северных цветов” тобою приготовленные. Нынче они мне помогут более, чем когда-нибудь. Литературная Газета выгоды не принесла и притом запрещена за то, что в ней напечатаны были новые стихи Делавина². <...> Булгарин верным подданным является, ему выпрашивают награды за пасквили, достойные примерного наказания, а я слышу карбонарием, я русской, воспитанный Государем, отец семейства и ожидающий от царя помощи матери моей и сестрам и братьям. – Целую тебя, душа моя, и жду от тебя утешения, то есть не уверений в участии, я знаю, что ты меня любишь, но стихов, стихов, стихов! Мне надо их! Слышишь ли, Болдинской помещик! Прощай. Твой Дельвиг».

Твой слог могучий и крылатый
Какой-то дразнит пародист,

² Казимир Жан Франсуа Делавинь (1793–1843) – французский поэт и драматург, автор слов бывшего французского гимна. За перепечатку его четверостишия, посвящённого дискуссии об открытии в Париже памятника жертвам Июльской революции, была закрыта «Литературная газета». Цензурой стихи расценены как прославление Французской революции 1830 года.

И стих, надеждами богатый,
Жует беззубый журналист.

Журналистских нападков и насмешек претерпел романтик Дельвиг в избытке, да и детище его, «Литературная газета», пала, не выдержав клеветнических наскоков небезызвестного Фаддея Булгарина.

Настали унылые времена: Дельвигу грозит чуть ли не царская опала, ему, сыну и старшему брату, должно заботиться об участи родной семьи, оставшейся без кормильца, да и жена, милая Сонечка, ветреностью своей печалит сердце. Разве что пушкинские строки, обращённые к нему, служат утешением?!

Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камни молодые...

А на исходе декабря, в канун новогодия, Пушкин распечатал присланный ему из Петербурга свежий номер альманаха «Северные цветы на 1831 год». Однако жизни в том новом году его создателю, Дельвигу, было отмерено ровно две недели: четырнадцатого января в восемь часов вечера его не стало... Причиной столь ранней смерти называли «гнилую горячку», сопряжённую, однако, и с душевными потрясениями.

«Соловей мой»

Но задолго до всех бед из-под пера Дельвига «выпорхнул» его волшебный «Соловей», обратившийся дарованием Алябьева чудным романсом, что запела вскоре вся Россия! Да и поначалу стихотворение, напечатанное на страницах «Северных цветов на 1826 год», именовалось «Русской песней».

Впервые же трели «Соловья» раздались под сводами Императорского Большого театра в январе 1827-го, а первый исполнитель романса – оперный тенор Пётр Булахов, любимец публики и тогдашняя знаменитость.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?

Поговаривали, Дельвиг якобы посвятил стихи те Пушкину, – ведь именно его современники величали «Соловьём русской поэзии». Так ли?! Кто сможет утвердить то либо опровергнуть? Правда, в газете «Молва» за 1880 год появилась заметка за подписью «Лисенков», известного книгоиздателя, а прежде книгопродавца, утверждавшего, что барон Дельвиг лично ему говорил, что написал тот стих в ответ на высылку Пушкина из Петербурга и что «голосистый соловей» и есть сам поэт.

«Северные цветы на 1832 год» – журнал, изданный в память Дельвига

А доверия Иван Тимофеевич Лисенков достоин хотя бы потому, что был знаком и с Пушкиным, и с Дельвигом. Строки из мемуаров издателя: «Поэт барон Дельвиг, издатель “Литературной газеты”, бывший... часто на час, приводил с собою всех литературных тружеников на перепутье по Невскому проспекту к Сленину, где и отличались разными остротами и сарказмами на всё им знакомое». И хотя речь идёт о весьма популярной среде литературной братии книжной лавке Ивана Васильевича Сленина, но друзья, Пушкин и Дельвиг, нередко навещались и в его книжную лавку, впрочем, как многие книгочеи, в их числе – любители редкостных изданий, да почти весь мыслящий Петербург. Именно Лисенков взялся за издание «Илиады» Гомера в переводе Гнедича. Бойко расходились в его книжной лавке и пушкинские творения.

Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах...

Но если стихи и вправду обязаны дружбой с Пушкиным, то великое их пророчество вновь сбылось! Пушкин, безо всяких на то царских позволений и виз, незримо пересёк гра-

ницы, побывав на всех континентах, во всех странах, во всех городах. Памятники поэту – в мировых столицах, потомки его – давно уже граждане иных государств, порою самых экзотических. Пушкинские стихи звучат не только на французском, китайском, испанском, английском, хинди, но и на редкостных мальтийском и люксембургском, бемба и нянджа, суахили и тамильском. «За синие моря» и за «тридевять земель» разлетелись поэтические трели Пушкина-соловья!

«Соловей мой» и «Дельвиг мой» – не есть ли в обращениях друзей ключевое слово: мой?!

О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

...Дельвиг умирал в доме на Загородном проспекте, где некогда так умно, весело, задиристо болтали и спорили лучшие умы России – Жуковский, Баратынский, Языков, Плет-

нёв, Одоевский, да и сам Пушкин. Последние дни поэта-романтика истекли в доме купца Тычинкина, что приступил к строительству особняка в 1811 году, – в том самом, когда отроки Антон Дельвиг и Александр Пушкин, робея, впервые переступили порог лица. Право, есть в том скрытая печальная символика...

«Прощай. Твой Дельвиг». Всё же и Александр Сергеевич попрощался с другом, – ведь в самые тяжкие часы страданий на Дельвига взирал, точно живой, его названный брат, его Пушкин. Взирал с портрета кисти Ореста Кипренского.

И не гениальная ли мысль осенила некогда барона Дельвига, когда решился он заказать портрет друга модному живописцу, только воротившемуся из чужих краёв?!

Кисти Кипренского

Себя как в зеркале я вижу...

Александр Пушкин

Злой рок

Сколько же испытаний выпало на долю Кипренского, а на ту пору – академика русской живописи, прежде чем состоялась его встреча с Пушкиным!

С самого начала судьба то и дело подставляла ему подножки – отец, отставной бригадир помещик Дьяконов, хоть и крестил его, внебрачного сына, в сельце Копорье, оттого и дав младенцу фамилию Копорский, отдал на воспитание в семью крепостного Адама Швальбе. Всё же юный Орест вольную получил и благодаря невиданной страсти к краскам и карандашу стал воспитанником училища при Петербургской Академии художеств, а затем – и её студентом. Уже под новой и прославившей его фамилией Кипренский. «Временами он мог позабыть всё, принявшись за кисть, – подобно герою гоголевского “Портрета”, – и отрывался от неё не иначе как от прекрасного прерванного сна. Вкус его развивался заметно. Ещё не понимал он всей глубины Рафаэля, но уже

увлекался быстрой, широкой кистью Гвида, останавливался перед портретами Тициана, восхищался фламандцами».

За годы учёбы в Академии собрал целую «коллекцию» больших и малых золотых медалей вкупе с серебряными. Писал портреты августейших особ, князей, лейб-гусарских полковников в Первопрестольной, Твери и Петербурге. Отправился постигать законы красоты и гармонии в Швейцарию, Францию и Германию, в Италию – в Рим. Почти как безымянный собрат героя петербургской повести, кто «оторвался от друзей, от родных, от милых привычек и помчался туда, где в виду прекрасных небес спеет величавый рассадник искусств, – в тот чудный Рим, при имени которого так полно и сильно бьётся пламенное сердце художника». Избрав «себе в учителя одного божественного Рафаэля» и постигнув «могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти».

Словно о тогдашней итальянской жизни Ореста Кипренского.

Но именно в Риме судьба готовила художнику сильнейший, почти смертоносный удар. В его мастерской разыгралась трагедия: красавицу-натурщицу, позировавшую Кипренскому для новой картины и жившую в его римском доме, нашли мёртвой, – несчастная итальянка скончалась от ожогов. А через несколько дней в больнице умер и слуга художника, молодой итальянец. По показаниям Кипренского, это его дерзкий слуга свершил то чудовищное преступление, но подозрение в нём пало-таки на самого живописца. Молва нарекла его убийцей: стоило ему показаться на улице, вслед летели камни, брошенные мальчишками, а соседи потрясали кулаками. Пришлось бежать во Францию, хотя местная полиция, разбирая улики, не сочла русского художника преступником. Спешно покидая Италию, Кипренский просит кардинала заботиться о судьбе оставшейся сиротки, дочери погибшей натурщицы, оставив деньги на её воспитание. Маленькую Мариуччу определили в монастырский пансион.

Однако и Париж не принял художника, омрачённого тенью убийства, выставка его картин потерпела фиаско. Кипренского встретили во французской столице враждебно, весть о трагедии в Риме достигла и ушей художников-парижан. Оставалось одно: ехать в Россию, тогда-то, по словам его биографа, Кипренский вспомнил о «покинутой родине, видевшей его расцвет и славу».

Как некогда, пока не разразилась ещё над его головой гроза, художник грезил: «Милан не прогневается, подождёт, куда я съезжу в Петербург, повидаться с почтенными соотечественниками моими. – Вот я на дрожках приехал на славный Васильевский остров: здравствуйте, любезная Академия художеств! Потом пробираюсь через Исаакиевский мост; сердце радуется при виде Невы и великолепного города; кланяюсь монументу Петра, оттуда на Невский проспект, заезжаю в Морскую...» Замечу, Пушкину довелось прочесть те записки Кипренского, именуемые «Письмом из Рима» и увидевшие свет на страницах русского журнала.

Верно, возвращение на родину после всех душевных потрясений было не столь ярким и радостным. Покинув в 1823-м полуденные края и оказавшись в северном Петербурге, Орест Кипренский встречен и там весьма прохладно. В довершение ко всему оказался в бедственном положении: не имел ни собственного угла, ни оплачиваемой должности. И коли бы не граф Дмитрий Николаевич Шереметев, гофмейстер и русский благотворитель, предоставивший фамильный дворец, его правое крыло, под мастерскую живописцу, – неизвестно, явилось ли миру то гениальное творение – пушкинский портрет?!

Во дворце на Фонтанке

Думается, барон Дельвиг не внял тем мрачным слухам,

что, бесспорно, долетели и до Петербурга, иначе вряд ли он обратился к Кипренскому с просьбой писать портрет друга. Почти как пушкинский Моцарт, кто искренне верил: «гений и злодейство – две вещи несовместные». Гений – то Божья искра, дар Господень, противный всякому злу и насилию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.